

РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Денис МАНАКОВ

Студент Факультета гуманитарных наук
Образовательного направления «Философия».
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики».
105066, Российская Федерация, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4;
e-mail: firsey74@gmail.com

ПОНЯТИЕ КОНТИНГЕНТНОГО В ПОСТТРИДЕНТСКОЙ СХОЛАСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Автор анализирует методологию работы с контингентными событиями и то, как концептуализировалось понятие контингентного и другие смежные с ним понятия в посттридентской схоластической философии. В частности, в статье рассматриваются возникающая в XVI–XVII вв. теория моральных модальностей, описывающая знание о контингентном и паттерны человеческого поведения; разделение физического и морального в контексте контингентной реальности, производимой человеческой волей; а также концепции вероятностного знания и методологии наук о контингентных фактах. На основе анализа данных схоластических идей и концепций автор обозначает ключевые характеристики знания о контингентном и выявляет общее ядро подходов к теоретизации контингентных событий в посттридентской схоластике.

Ключевые слова: контингентность, науки о контингентном, моральное сущее, моральная демонстрация, моральная необходимость, моральные модальности, схоластическая модальная теория, вторая схоластика, свобода воли, вероятность

В ходе Тридентского Собора католическая церковь приняла догмат, радикально изменивший всю последующую схоластическую философию, – догмат о свободе воли человека и его ответственности за свои грехи. Если для всей предыдущей схоластической традиции аристотелевский запрет на возможность «науки о контингентном», т.е. науки о частных не-необходимых вещах, оставался актуальным, то в посттридентской схоластике появляется нужда в создании науки о контингентном, в поле рассмотрения которой входили бы действия свободной воли людей и человеческий произвол [2, с. 81–82]. В XVII в. происходят коренное изменение и реконцептуализация различных сфер знания, таких как модальная логика, юриспруденция, история, политика, риторика и т.д., связанных с обращением к понятию свободы человеческой воли и той сфере реальности, которая производится ей. Хотя различные дискурсы схоластической мысли подходят с разных сторон к контингентности и, в некотором смысле, не являются конвертируемыми, в силу различий в изначальных объектах и предметах исследования и проблематиках их как различных дисциплин, параллели между ними, безусловно, возможны. Все они, так или иначе, работают в рамках этой контингентной сферы реальности, производимой человеческой волей, и в этом смысле поиск в них некоторых общих мест и исторического а priori любых дискурсов о *liberum arbitrium* возможен. Историческое а priori здесь понимается в том же значении, как его понимал Мишель Фуко, т.е. как условия реальности высказываний: условия их возникновения, законы сосуществования и принципы преобразования [3, с. 244].

Целью данной работы является исследование концептуализации контингентных событий, зависящих от человеческой воли, и анализ методологии «наук о контингентном» в посттридентской схоластической философии на примере дискурса о «моральном» (моральных модальностях, моральной достоверности, моральном существе и т.д.) и смежных с ним дискурсов. В силу того, что посттридентская схоластическая философия на данный момент является малоизученной, а тематика, которой посвящена данная работа, в том общем виде, в котором она рассматривается здесь, не исследовалась в полной мере практически никем, основными источниками данной работы являются оригинальные схоластические трактаты и современные работы, посвященные отдельным философам или более узким темам, смежным с темой данного исследования.

Исследования Свена Кнебеля [22; 23], хотя и представляют безупречный содержательный анализ моральных модальностей, упускают из виду более широкий контекст использования «морального» и акцентируют внимание только на его значении в контексте модальностей, из-за чего Кнебель приходит к выводам, которые кажутся несколько неточными в контексте более общей картины употреблений этого термина, как будет показано далее. Исследование Г.В. Вдовиной, посвященное моральному бытию [1], безусловно важное, также представляет собой слишком узконаправленную

работу в контексте её более крупного исследования ментального сущего. Нельзя не отметить статью Ю.В. Ивановой и П.В. Соколова «“Мидасово злато Модерна”: антиномии исторического сознания раннего Нового времени» [2], которая затрагивает науку о контингентном в мысли XVII в., однако, в более широком контексте, выходящем за рамки схоластики, и является скорее общим очерком изменения интеллектуального поля того времени.

Модальные категории в схоластике

Одним из наиболее важных формальных методов концептуализации контингентного в рамках схоластической философии являлась модальная теория. Именно благодаря модальной теории мы изначально можем говорить о контингентности, так же как и о возможности, необходимости и невозможности. В самих схоластических трактатах, однако, прямое определение модальных категорий зачастую отсутствует, они объясняются через их отношения друг с другом.

Так, в одном из наиболее популярных пособий по логике XIII в. Петра Испанского модальные категории определяются через их логические отношения друг с другом, наиболее примечательным из которых является эквивалентность возможности и контингентности: «когда “возможно” приписывается какому-либо утверждённому высказыванию, “контингентно” приписывается ему же» [32, р. 122]. Важным элементом работы является система определений модальностей на основе логического квадрата, иллюстрирующего эти логические отношения [32, р. 124]: прообраз этого квадрата содержится в 13 главе «Об истолковании» Аристотеля, он часто использовался в XII–XIII вв. и оставался удобным инструментом для схоластов и в XVII в. Посттридентская схоластика унаследовала терминологию и большинство идей Испанского. К примеру, в одном из важнейших схоластических трактатов XVII в. Педро Уртадо де Мендоса разбирает «модальные пропозиции», ограничиваясь по большей части пересказом [18, р. 32] Испанского [32, р. 112], ссылаясь на него как на авторитет.

Примечательным местом в модальных квадратах является логическая эквивалентность возможности и контингентности: они используются в одинаковых по форме высказываниях. Так, можно заметить, что в расположенных по углам квадратов словах “Purpurea”, “Illiace”, “Amabimus”, “Edentuli”, изобретательной мнемонической техникой для запоминания, конверсий одного высказывания в четырёх модальностях и логических отношений между этими конверсиями, гласные первого и второго слогов, соответствующие возможности и контингентности, всегда совпадают, из-за чего возникает вопрос о необходимости введения понятия контингентности, в случае если оно полностью эквивалентно понятию возможности. Так, некоторые авторы решали эту проблему через аналогичную мнемоническую формулу,

заменяющую четырёхсложные слова на трёхсложные, считая прописывание контингентности отдельно от возможности излишним.

Однако стоит отметить, что в определениях или других частях текста схоласты различают возможность и контингентность: последняя определяется как то, что противоположно необходимости, и то, что может быть и верным, и ложным [10, р. 94, 111; 19, р. 283].

Логическая эквивалентность контингентности и возможности, как они представлены в логических квадратах, представляет проблему, так как в таком случае логически выводимый тезис о том, что всё необходимое является возможным (а следовательно, и контингентным), будет противоречить пониманию контингентности как возможности и возможности не. Зачастую два этих противоречивых тезиса соседствуют в одной и той же работе [10, р. 94, 126–127].

Если не пытаться объяснить данное затруднение тем, что философы просто не замечали и реитерировали эту ошибку, как полагают некоторые современные исследователи [14, р. 220], то в качестве вероятного объяснения можно предложить то, что многие логики средней схоластики (в частности, авторы четырёх наиболее авторитетных трактатов по логике XIII в. – Пётр Испанский, Роджер Бэкон, Ламбер Осерский и Уильям Шервудский), следуя выделенному Аристотелем различию между возможностью, допускающей противоречащие вещи, и возможностью, не допускающей их, так же делили контингентность на разные виды [6, р. 263; 16, р. 12; 24, р. 48–57; 20, р. 233], тем самым устраняя противоречие в логическом квадрате. Такое восприятие контингентности не ограничивалось XIII веком – повторение этих разделений можно встретить в значимых работах, от XIV–XV вв., например, у Павла Венецианского [30, р. 176], вплоть до XVI, в комментариях Каэтана на «Сумму теологии» [5, р. 393]. Если предположить, что логический квадрат и другие определения контингентности отсылают к разным её видам, противоречие снимается.

Наследие этой традиции проявляется в пассажах об эквивокальности контингентного в различных по своей тематике и традициям трактатах XVII в. [11, р. 130; 14, р. 219; 19, р. 139], а также построении всевозможных систематик различных видов модальностей.

Одним из наиболее важных концептуальных различий посттридентской модальной теории такого рода является трихотомия метафизического, физического и морального, которая применялась как в отношении собственно модальных категорий, так и в отношении связанных с ними понятий, таких как, например, «уверенность», «достоверность», «очевидность», «доказательство» и т.д.¹ В наиболее общем смысле эта трихотомия представляет собой три степени достоверности и работает в рамках трёх разных логик².

¹ Изначально появились именно такие термины, как «моральная уверенность», – первые их использования относятся к концу XV в., а моральные модальности разрабатывались как способы оценки степени этой уверенности.

² Благодаря открытию этой модальной трихотомии становится ясным то, что различные существовавшие в ранней схоластике виды модальных теорий, которые являются довольно

Метафизические модальности работают в рамках простых логических противоречий или тождеств [12, р. 159; 15, р. 210; 19, р. 269]. Физические модальности – в рамках общих законов природы [12, р. 159]. Наконец, моральные модальности в наиболее широком смысле выражают разные степени вероятности события, основанной на эмпирических данных.

Морализация модальностей

Различные авторы определяют границы степеней вероятности моральных модальностей по-разному [12, р. 159; 15, р. 210–211]. Одна из наиболее часто встречающихся фраз в описании морального необходимого удачно иллюстрирует характер вероятности – это «сильная склонность» (*“inclinatio vehemens”* [15, р. 224]) или «сильное искушение» (*“tentatio vehemens”* [20, р. 56]) к существованию. Хуан де Луго, следуя в этом за Себастьяном Искьердо [19, р. 133], предоставляет, вероятно, наиболее общее определение моральной необходимости через моральную достоверность: «Моральная достоверность, однако, не предлагает такой необходимой связи с истиной, поскольку она, хотя это и случается редко, на самом деле иногда предполагает фактическую ошибочность, что реже является ошибочным, то больше приближается к моральной достоверности; так же и наоборот, что чаще является ошибочным, то меньше приобщается к моральной достоверности» [25, р. 77–78]. В этом отрывке упоминается важная составляющая моральных модальностей – это модальности статистические. Благодаря статистическому подсчёту схожих событий мы можем рассчитать моральную вероятность: чем чаще случается событие, тем оно ближе к морально необходимому (квантор «все», взятый морально, превращается в «почти все»), чем реже – тем ближе оно к морально невозможному, при том что оба варианта могут являться одинаково физически возможными альтернативами [15, р. 224] и один не подразумевает невозможности другого [29, р. 86].

Один из примеров «статистических» подсчётов такого рода, который был крайне популярен в XVI–XVII вв., – тезис, согласно которому хотя бы один человек из 1000 не может не совершить греха (1000, по всей видимости, считалось достаточно большим числом, чтобы все сомнения в истинности тезиса отпали [23, S. 467])³. Данный пример представлялся в разных вариантах, но ключевая составляющая о невозможности избежания греха оставалась неизменной [19, р. 284].

хорошо исследованными современными логиками, будь то статистическая теория модальностей или семантика возможных миров, находят новое место в рамках модальной теории посттридентской схоластики, организуя многосоставный агрегат различных модальностей, работающих в разных языках и по разным правилам.

³ Стоит отметить, что привязка данного примера именно к статистике в реконструкции этого аргумента Свенном Кнебелем является его собственной интерпретацией, и в равной мере использование большого числа можно интерпретировать как ссылку на здравый смысл и очевидность события для всех людей, в то время как само число не является настолько важным.

Эта идея берёт своё начало от интерпретации 23 канона Тридентского Собора [8, р. 68], согласно которой человек может избежать каждого греха в отдельности, но не сможет избежать всех грехов в совокупности [23, S. 472], то есть существует возможность избежать каждого греха, но невозможность избежать греха как такового [22, р. 233]. Для создания такой интерпретации вероятности греха, которая устраняла бы противоречие между свободой воли человека и невозможностью избежать греха, само понятие вероятности было разделено на различные виды: избежать всего греха в совокупности возможно физически, но не морально.

Однако, хотя «моральный» и относится к некоторой степени уверенности вообще, введение такого способа оценки вероятности события тесно привязывает его к человеческой воле. Это подтверждается примерами определений моральных модальностей, которые мы можем найти в схоластических текстах – практически все они привязаны к некоторым паттернам или привычкам человеческого поведения, которые, в большинстве случаев, остаются одними и теми же, хотя и зависят от свободной воли: «Основания моральной [очевидности] есть те, которые зависят от определённых свобод и опираются на свободную необходимость» [19, р. 133]. Более того, это подтверждается происхождением моральных модальностей – изначально они были привязаны к проблематике греха и вероятности совершения греха людьми, первое [11, р. 69] использование термина «моральная уверенность» (*“certitudo moralis”*), из которого в дальнейшем вырастет весь аппарат моральных модальностей и которое будет в дальнейшем использоваться в том же смысле [29, р. 88], в трактате “De praerogatione ad missam” XV в. канцлера Парижского университета Жана Жерсона вообще было привязано исключительно к нравственным поступкам [7, р. 10] (так же как использовали его пробабилисты). В пользу этого тезиса свидетельствует и их конечное использование – зачастую дискурс о моральной достоверности возникал при обсуждении судопроизводства, так как в XVII в. суды отдавали предпочтение показаниям свидетелей, а судебный процесс строился на оценке достоверности или недостоверности мнений [35, р. 272] на основе эмпирического свидетельства, ибо часто случалась ситуация, когда существуют два мнения, которые можно одинаково рационально обосновать [37, р. 91], а свидетельство человека является, наравне со статистикой, одним из основных инструментов определения моральной достоверности [19, р. 133]. Хуан де Луго специально останавливается на том, как его определение моральной необходимости и достоверности может быть использовано в суде [25, р. 77–78]. Однако testimoniальное подтверждение моральной достоверности не ограничивалось рамками юридической теории, но было также важно, например, и для историографии того времени, для которой свидетельство было основным аргументом.

Итак, в общем виде концепция моральных модальностей исходит из двух источников: первый связан с доктриной свободы воли, провозгла-

шённой на Тридентском Соборе, и вынужденном переосмыслении самих категорий «необходимости» и «невозможности» в контексте человеческий действий; второй, более ранний, связан с категорией «моральной достоверности» или «моральной уверенности». По контексту употребления моральных модальностей становится очевидным тот факт, что они так или иначе привязаны к получению того, что называется моральной уверенностью, и определяются через неё. Под моральной уверенностью схоласты обычно подразумевают неполную (т.е. не-дедуктивную), но достаточную достоверность того или иного факта, основанную на данных свидетелей или опыта. Само появление термина «моральная уверенность» связано с проблемой сомнительности приговоров в суде. После популяризации Иннокентием III юридической максимы «из сомнительных путей следует выбрать более безопасный» в XII в., категория вероятности постепенно становилась неотъемлемой частью процесса вынесения приговора [11, p. 67–69].

Вокруг термина «моральный» постепенно выстраивается новая эпистемология, в рамках которой рождается новый вид знания о человеческом поведении и человеческой воле, и новая онтология событий, которые рассматриваются в рамках моральной теории модальностей и работают по определённым моральным правилам, сходным с физическими. Эта онтология предполагает выделение некоторого нового вида бытия, а именно бытия морального, которое будет далее.

Нравственные коннотации термина «моральный» в XVII в. никуда не ушли, практически во всех философских (как католических, так и не католических) трактатах того времени можно встретить формулировки «морально хороший» (*bonus moraliter*) и «морально плохой» (*malus moraliter*). Именно в XVI–XVII вв. благодаря семинариям появились “*Institutiones Morales*” – специальные пособия для образования и прикладной подготовки исповедников. Не следует также забывать, что в XVII в. теологические споры о рамках допустимого поведения и морали в традиционном смысле слова были как никогда актуальны, к примеру, в рамках общего противостояния ригоризма и лаксизма, вырастающего из доктрины пробабализма, не говоря о теологической полемике между янсенистами и иезуитами, ставшей крайне важной для интеллектуальной жизни Франции того времени благодаря публикации «Писем к провинциалу» Паскаля, сделавших работы казуистов крайне популярными.

Однако деонтический контекст долженствования во фразах типа «морально необходимо» зачастую действительно отсутствует. «Моральный» скорее предполагает прямую связь с реализацией воли и действий человека, а не с долженствованием. Отказ от «деонтического» не означает отказа от «морального» в обычном смысле слова как некоторой инстанции, которая организует поведение людей, потому что отказ от *аксиоматических* правил поведения – не значит отказ от существования правил *дескриптивных*. Иллюстрацией этого является моральная теология Хуана Карамуэля, которая отказывается от томистского выведения должного из существующего

и относит производство «морального» к воле [36, р. 68]: моральное относится не к правильному поведению, а к поведению вообще. Именно поэтому термин «статистический» не синонимичен «моральному», как предполагает Свен Кнебель в статье о рождении социологии из посттридентского богословия [23, S. 474–475]. Первый связан с набором некоторых *физических* фактов поведения людей, в то время как «моральный» связан с тем, что схоласты называли *моральной составляющей* факта, то есть с некоторым элементом действия, не тождественным самому физическому акту действия и связанным с волей. Отличие математического доказательства от морального в том, что первое занимается исчислением точных количеств, полностью и строго детерминированных, в то время как второе оперирует «моральными количествами», оставленными человеческой воле [33, р. 17–18]. Статистика является скорее важным элементом «морального», но последнее не сводится к первому – термин этот многозначен, – и потому «моральный» скорее является синонимом не «*статистического*», а «*хабитуального*» (“*habitual*”). В последнем случае сохраняется элемент как привычности или частотности некоторого действия, так и его связи с волей и поведением. Более удачным переводом “*moralis*” в таком случае было бы слово «*нравственный*», а не моральный, потому что оно сохраняет связку со словом «*нравы*» (так же, как в латинском “*moralis*” происходит от “*mos, moris*” – ‘нрав’), т.е. некоторые обычаи или устойчивые паттерны поведения. Более того, некоторые авторы прямо указывают на связь моральной уверенности с нравами [17, р. 695].

Термин «статистический» применительно к моральным модальностям является неподходящим также в силу того, что теория моральных модальностей является более слабой по сравнению со статистической интерпретацией модальностей, к которой обычно причисляют модальные теории Диодора Крона и, в меньшей мере, Аристотеля. Идею Кнебеля можно было бы развить, если попытаться обосновать её через различие видов контингентного в аристотелианской схоластической традиции. Однако даже в таком случае возникали бы проблемы со словом «статистический», так как модальная теория Аристотеля не является характерным примером чисто статистической интерпретации модальностей, свидетельством чему является не утихающая до сих пор дискуссия о причислении интерпретации Аристотеля к статистическим моделям.

Хотя термин «статистический» скорее подходит для интерпретации модальностей, которая оперирует категориями вероятности и связана с подсчётом частотности события, как у моральных модальностей, чем для интерпретации, оперирующей такими строгими темпоральными категориями, тем не менее такое использование терминов уже является устоявшимся, поэтому утверждение Кнебеля о «возрождении статистических модальностей» в схоластике XVII в. скорее вводит в заблуждение. Кнебель интерпретирует моральные модальности через статистическую модель, хотя и называя их «подтянутыми» [22, р. 236], однако моральные модальности,

входившие в оборот в XVI–XVII вв., не были попыткой возродить или доработать теорию Диодора Крона. Они представляли собой скорее инструмент анализа событий, необходимый для решения новых проблем, современных схоластам этого периода, – в частности, анализа свободных действий человеческой воли. Это становится ясно, если мы обратимся к примерам применения моральных модальностей, описанным выше, каждый из которых затрагивает это поле физически контингентных событий. События эти не являются в полной мере случайными и свободными в силу их особенностей, которые были рассмотрены ранее и которые можно обобщить следующим образом:

1. применимость только к вещам, наличным в опыте;
2. зависимость от свободной воли человека и физическая контингентность;
3. коллективность, серийность и хабигуальность, т.е. частая повторяемость во времени и распространённость в обществе или коллективе некоторого паттерна поведения человека в некоторой ситуации, подчинённость нравам; индивидуализация коллективного в форме наличия индивидуальных случаев в общей выборке;
4. вероятностность знания об этих событиях;
5. «статистичность» методологии их анализа, т.е. использование количественного подсчёта этих событий;
6. привязка к здравому смыслу (в том числе в методологии анализа контингентных событий), т.е. оценка событий в той мере, в которой они кажутся очевидными и естественными для оценивающего.

В разных трактатах можно найти разные комбинации этих характеристик, так как инструментарий моральных модальностей не являлся унифицированным, он развивался и проходил через изменения. Тем не менее все эти теории объединяет то, что они работают с новым для постригентской схоластики полем событий – событий контингентных, тем самым, с одной стороны, выстраивая новую региональную онтологию, а с другой, закладывая основы методологии описания и исследования этой новой области сущего и очерчивая дисциплины, в рамках которых это описание и исследование будут производиться.

Физическое и моральное сущее

Различие между физическим и моральным – одна из важнейших идей постригентской философии [23, S. 474] – проводилось во множестве разных контекстов. Для понимания того, в рамках какой онтологии работает моральная теория модальности, следует обратиться к различению между моральной и физической составляющей поступка. Суть этого различия заключается в том, что в одном и том же поступке может быть найдено физическое сущее – реальное физическое действие, и моральное сущее –

намерение и смысловая наполненность этого действия. Зачастую это разделение использовалось для вычленения сути греха в поступке – как раз этого морального сущего, однако не всегда. К примеру, Пьетро Сфорца Паллавичино в контексте насилия просто аналитически отделяет моральную составляющую от физической [39, р. 143].

Таким образом, в посттридентском дискурсе мы можем найти рождение новой онтологии морального сущего, отличной от простых физических фактов и зависящей напрямую от воли человека, так как только благодаря такой свободной воле само существование этого морального сущего возможно. В рамках онтологии морального сущего и действуют моральные модальности – они занимаются волевыми актами человека, то есть моральным сущим поступков человека. Соответственно, те акты человеческой воли, которые встречаются наиболее часто, мы можем назвать морально необходимыми, а те, которые встречаются наиболее редко, – морально невозможными [13, р. 246; 15, р. 224].

Термин «моральное сущее» или «моральное бытие» (*“ens morale”* или *“esse morale”*), в свою очередь, в схоластике XVII в. приобретает особое значение. Как замечает Г.В. Вдовина, строгого определения морального сущего в философских курсах пока не удалось найти [1, с. 132]. Однако, так или иначе, мы можем попытаться реконструировать смысл этого понятия через примеры, которыми его иллюстрируют схоласты, и через те контексты, в которых оно употребляется.

Исследование и примеры, приводимые Г.В. Вдовиной, сосредоточены в первую очередь на лингвистических особенностях морального сущего, то есть на его существовании в языке и речевом акте учреждения его значения. Однако моральное сущее не ограничивается этим, так как, что уже было отмечено, в эпоху посттридентской схоластики понятие «морального» сигнализировало о связи с волевым актом человека: «сущее называется моральным не потому, что оно не является реальным и физическим сущим, но потому что зависит от воли и относится к нравам» [26, р. 564]. И Г.В. Вдовина отмечает, что «источник *“esse morale”* – человеческая воля, а именно, воля уполномоченного лица или лиц, могущих как учредить *“esse morale”*, так и отозвать своё решение» [1, с. 133], хотя некоторые схоласты, например Карамуэль [36, р. 59] или Мауро [26, р. 564], сводили моральное сущее к воле как таковой, в более общем смысле, включая божественную волю.

Помимо человеческой воли, «моральное сущее» привязано и к проблеме греха [25, р. 442]. К примеру, у французского астронома Жана-Батиста Морена можно найти следующую мысль: «В силу сказанного, однако, причина грехов существует: в грехе их две, а именно акт позитивный и реальный, из которого действие обладает своим физическим сущим... и отсутствие моральной справедливости, из которой действие обладает своим моральным сущим» [27, р. 143]. Морен также намекает на одну из целей понятия морального сущего – благодаря ему могут производиться юриди-

ческие и судебные решения. Похожую мысль можно найти у Сильвестро Мауро, который защищает целесообразность понятия морального сущего, сравнивая сформированные природой фигуры, такие как квадрат или круг, со сформированными законодательством пропорциональными моральными сущими и отношениями, такими как отношения раба и господина [26, р. 564]. В целом можно встретить множество примеров, проводящих параллели между моральным и физическим миром, и такой изоморфизм физического и морального сущего свидетельствует о том, что в схоластике XVII в. появляется новый регион бытия – моральное бытие, которое не является физическим, но сходно с ним по эффектам, которые оно оказывает на жизнь человека, и так же работает по определённым законам и правилам, сходным с законами природы в физическом мире [36, р. 69]. Регион морального бытия структурируется поведением людей, относящихся к нему *ac si* реальному.

Стоит также отметить, что привязка «морального» к коллективным актам воли или множеству актов воли в совокупности не пропадает в теории морального сущего. Моральное сущее как смысловая составляющая некоторой вещи или действия нуждается в конвенциональности или некотором общем согласии о его значении. Хотя придание значения морального сущего и может совершаться одним человеком [1, с. 134]. Это значение подерживается коллективом людей, и речевое обязательство использовать слово в одном и том же значении схоже с правовым обязательством исполнять закон или платить деньгами одной стоимости [1, с. 137–138].

Вероятностное знание

В рамках новой эпистемологии морального сущего возникает проблема божественного знания. Так как моральные модальности не являются некоторыми непоколебимыми константами, как в случае метафизических, из-за необходимости рассматривать отдельные человеческие волевые акты в разное время и во всём их разнообразии и сложности, то они больше не могут являться объектом божественной науки, которая работает с вечными истинами. Какое-либо божественное предопределение исключено в таких будущих контингентных событиях, так как акты человеческой воли свободны, и чем больше этих свободных актов мы рассматриваем в совокупности, тем меньше можем найти в них какое-либо единообразие.

В этом моменте проблематика моральных модальностей приближается к проблематике среднего знания – концепта, разрабатываемого по большей части в рамках молинизма для решения вопроса о божественном знании актов свободной человеческой воли: Андреас Юниус для проведения границ между различными типами божественного знания в рамках молинизма (естественным, свободным и средним) оперирует именно терминами моральной и метафизической необходимости и невозможности [20, р. 56].

В теории среднего знания предвидение человеческого действия Богом вытекает из его знания обстоятельств этого действия, то есть Бог знает, как тот или иной человек повёл бы себя в той или иной ситуации, благодаря обстоятельствам и причинам, которые привели к этому действию. В молинизме поведение человека не детерминировано Богом, и эта недетерминированность компенсируется неограниченной познавательной силой божественного интеллекта.

Моральные модальности используются для такого же исчисления человеческих действий во всей их совокупности и для предсказания на этой основе единичных действий как вспомогательный инструмент (или конкурентное решение проблемы) по отношению к среднему знанию, к примеру, у Уртадо де Мендосы и Руиса де Монтойи [34, S. 56–58]. Мир функционирует по определённым правилам в области событий, связанных со свободной волей, и моральная необходимость, с одной стороны, является причиной этих правил и в некотором роде организует сложный композит волевых актов людей по некоторым правилам, а с другой – следствием этих правил. Таким образом, категорию морально необходимого мы можем применять для исчисления этих правил и рациональных прогнозов поведения людей. Этот тезис довольно схож с тем, как эмпирическая индукция вообще понималась некоторыми схоластами: например, у Пьетро Сфорца Паллавицино индукция, с одной стороны, выступает как источник рационального обоснования, то есть аккумулированный опыт, на котором строятся заключения, а с другой стороны, как продукт этого опыта, то есть метод анализа этого опыта и выведения на его основе заключений [21, p. 505].

Однако у среднего знания и моральных модальностей есть одно важное отличие: теория моральных модальностей вводит в исследование и подсчёт контингентного человеческого поведения нового субъекта знания – человека. Молинизм так или иначе сконцентрирован на аристотелевской проблематике божественной науки и будущих контингентных событий, которая только усложняется наличием у человека свободы воли, в то время как теория моральных модальностей была сконцентрирована именно на человеческом способе познания данных.

Благодаря тому, что субъектом знания выступает человек, потенциальные поля его применения претерпевают значительные изменения. Мы можем видеть, как в XVII–XVIII вв. теоретические подходы к праву, политике, истории, риторике реконцептуализируются и порождают новые способы восприятия и методологии анализа контингентных событий. Сами по себе эти дисциплины были привязаны к анализу контингентных событий и отходили от ориентации на аристотелевский дедуктивный метод задолго до XVII в. Так, можно вспомнить: ограничение эмпирического базиса догматических обобщений уже со времён “*Corpus iuris civilis*” и ориентацию на индуктивное выведение норм из юридически значимых ситуаций в юриспруденции начиная с XII в.; легитимацию английских статутов в политико-правовом поле как недедуктивных, а следовательно, не универсальных

и частных, основанных на политическом опыте правителя, способов регуляции человеческой жизни; историческую аргументацию через предположение или авторитет и т.д. Однако, так или иначе, все эти доктрины находились в явном противоречии с главенствующим в схоластике тезисом о невозможности науки о контингентном, то есть не проходили оценку на истинность и в этом смысле были «аномалией» [2, с. 81]. XVII век является поворотным моментом для теоретизации контингентного, так как, с одной стороны, мы можем наблюдать, используя терминологию Фуко, формирование нового режима веридикции (то есть совокупности правил, позволяющих дискурсу зафиксировать, какие высказывания могут быть охарактеризованы как истинные или ложные, системы верификации и фальсификации высказываний [4, с. 50–54]) в университетах (уже необязательно исключительно католических, но так или иначе сохраняющих преемственность от схоластической научной методологии), благодаря которому анализ контингентных событий и недедуктивные методы верификации знания о них могут проходить оценку на адекватность в рамках формальных институций, а с другой стороны – давно сложившиеся модели интерпретации исторических, политических и юридических фактов в неканоничных для чистой схоластики доктринах, гармонично сочетающиеся с новым вероятностным схоластическим методом анализа контингентных событий и готовые к прохождению через этот режим веридикции.

Одной из таких методик легитимации знания о контингентном является приближение его к математике, обладающей безусловной достоверностью, через попытку привнесения подсчётов в анализ контингентного. В XVII в., благодаря работам Паскаля, Ферма и Гюйгенса, зародилась математическая теория вероятности и статистика. Во второй половине XVII в. Джон Граунт и Эдмунд Галлей использовали эти наработки для статистического анализа населения, смертности, социальной гигиены. В медицинских статистиках смертности и распространения чумы в XVII в. явным образом проявляются общие места знания о контингентном, которые были описаны ранее, – вероятностный пробабилистический характер и серийность в форме индивидуализации коллективного через феномен случая (заболевания).

Нельзя не заметить, что общими чертами для дискурсов, находящихся на пересечении классических для их традиции интерпретаций и университетской науки, являются выделенные в начале работы характеристики знания о контингентных событиях, проявляющиеся специфическими для каждого из этих дискурсов образами. Наиболее важной чертой для них является вероятностный характер знания и особые методологии установления истинности тех или иных фактов через такой вероятностный анализ. В связи с тем, что чистая рациональная методология доказательств становится недостаточной для объяснения свободных человеческих действий, становится актуальным новый, менее достоверный и более релятивистский подход к анализу их истинности, распространяющийся на контингентные

события как таковые. По аналогии с тем, как человеческие действия не могут быть объяснены полной природной необходимостью и требуют рассмотрения дополнительных детерминант, в случае с моральными модальностями контингентные события как таковые тем же образом объясняются через не-необходимые, но предполагающие ту или иную степень вероятности детерминанты, так как аргумент к вероятности, при условии природной контингентности события, выглядел как единственный достаточный аргумент, на который можно было опереться.

У французского философа Жана де Сильона можно найти удачный обобщающий термин для характеристики принципов этого режима – «моральное доказательство». Моральное доказательство в противовес физическому, которое строится на чистых логических выводах и рациональной очевидности, строится на привлечении «дополнительных средств», которые не дают полной уверенности в том или ином факте, но так или иначе склоняют нас к тому, чтобы поверить в его истинность [38, р. 555–560].

Трактат Сильона является примечательной демонстрацией того факта, что за рассуждениями о контингентных событиях в различных дисциплинах стоят некоторые общие условия возможности производства высказываний, их историческое *a priori*, и общий режим веридикции. В своей работе Сильон приводит соседствующие с рассуждениями о причинности и неопределённости человеческой воли и божественном знании примеры проявления моральной демонстрации в разных сферах знания: доказательство виновности человека в убийстве по обстоятельствам, указывающим на большую вероятность виновности, но не подтверждающим её полностью [38, р. 570–572]; наличие нескольких разных симптомов при попытке поставить диагноз [38, р. 573]; в политике мы можем предположить то, каким образом будет действовать правитель в определённой ситуации и каким образом его воля будет определяться к действию, на основе его личных качеств и того, как он в прошлом имел обыкновение вести политические дела, его мотивов и т.д., хотя в любой ситуации этот прогноз будет только предположительным и неточным [38, р. 581–583]. Такой порядок рассмотрения в ключе «морального» доказательства в истории, медицине и юриспруденции в целом свойственен рассуждениям о степенях вероятности знания у философов XVII в.

Эти наиболее явно рефлекслируемые в теории морального доказательства имплицитно содержатся во множестве трактатов XVII–XVIII вв., посвящённых проблемам медицины, истории, права, политики и т.д., однако, в силу того, что они, будучи условиями возможности, стоят за высказываниями как таковыми, сами по себе часто остаются неартикулированными. Хотя сами условия высказываний не являются частью дискурсов, они обладают разной степенью выраженности в зависимости от тематики того или иного трактата. Поэтому гораздо более продуктивно было бы попытаться описать этот общий «мета-дискурсивный» образ мышления на примере работ, чьим предметом является концептуализация метода работы

с контингентными событиями, чем на примере работ, которые в той или иной мере этот метод воспроизводят.

Также стоит отметить, что как такового общего языка описания или общего метода, использующего один словарь, для философов, врачей, юристов и историков не существовало; на месте «моральной демонстрации» мог стоять один из множества терминов со смежным смыслом и похожим способом употребления, но из разных традиций: вероятность, конъюнктуральное основание, предположительный аргумент, моральные модальности и т.д. (вероятность факта или доказательства его вероятности практически полностью синонимичны с его моральной демонстрацией или конъюнктуральным основанием). Однако отсутствие общего языка не свидетельствует об отсутствии общей нарративной логики, общего подхода к производству знания и общего режима веридикции, которые затрагивались в данной работе выше и которые можно наблюдать при рассмотрении общих мест в работах XVI–XVIII вв.

В силу ограниченности объёма данной работе, в ней невозможно рассмотреть конкретное проявление данных феноменов в рамках таких дисциплин, как историография, юриспруденция, политическая философия и т.д. Однако совсем игнорировать эти существенные для описания дискурсов о контингентном традиции нельзя, поэтому далее будет представлено краткое описание примеров некоторых разработок, которые иллюстрировали бы эту мысль.

В рамках историографии многими авторами разрабатывалась доктрина степеней вероятности исторического знания, основанная на анализе достоверности источников. Среди авторов наиболее ранних и популярных работ, пытавшихся привнести научность в историю, можно назвать Франческо Патрици, Мельхиора Кано, иезуита Хосе де Акосту [37, р. 122–123]. Эта доктрина в том числе использовалась историками для характеристики вероятности исторических источников, но чаще всего их терминология в разных странах и традициях была различной. Тем не менее идея о том, что историческое знание как знание о контингентных вещах не обладает статусом математической достоверности, но всё ещё может претендовать на научность, если опирается на анализ достоверности свидетельств и источников, являлась общим местом для интеллектуальной культуры XVII в., как в университетах, так и за их пределами. Попытки математизации историографии проводились многими известными авторами, начиная с «Логики Пор-Рояля» [31, р. 35–38] и заканчивая Джоном Крейгом, выведившим математическую формулу для подсчёта исторической достоверности.

В юридических трактатах того времени разрабатывается понятие конъюнктурального, или предположительного, доказательства или доказательства по «признакам» (*la preuve par indices*), сила которого зависит от «степени достоверности (*certitude*) факта, который их порождает» [9, р. 349]. Такие «неполные» доказательства, основанные в первую очередь на показаниях свидетелей (о достаточном количестве которых велись споры),

могли быть включены в процесс обвинения, в случае если преступление совершается тайно или в укрытии, как мошенничество, прелюбодеяние или колдовство, но не считались за достаточные доказательства, если рассматривались уголовные преступления, как убийство или государственная измена (к примеру, в суде над якобитскими заговорщиками были попытки доказательства невиновности через недостаточность предположительных доказательств), а зачастую также не распространялись даже на гражданские имущественные отношения.

В рамках этой теории создавались специальные систематики, различавшие виды доказательств и устанавливавшие их соотношения друг с другом [28, р. 345–351]. Свидетельства и доказательства различных видов могли складываться друг с другом (два полудоказательства образуют полное доказательство, вспомогательные доказательства могут образовать полудоказательство и т.д.), тем самым образуя «судебно-правовую арифметику», основанную на степенях достоверности в том или ином факте через свидетельские показания. В крайних случаях математизированные модели анализа вероятности свидетельств, которые разрабатывались в XVII в. такими авторами, как Джон Крейг и Джордж Хупер, в конечном итоге могли выводить такие формулировки, как «неполная моральная достоверность отчёта свидетелей составляет пять шестых абсолютной моральной достоверности».

Заключение

Целью данной работы было исследование концептуализации понятия контингентного и анализ методологии «наук о контингентном» в посттридентской схоластической философии. В начале работы были выявлены и раскрыты наиболее важные и часто встречающиеся, предлагаемые схоластами черты знания о поле контингентных событий, производимых человеческой волей, в конце XVI в. – начале XVIII в. на примере понятий моральной достоверности и теории моральных модальностей.

Далее была проанализирована одна из наиболее характерных для XVII в. идей в рамках исследований контингентных вещей – разделение физического и морального и концепция морального сущего, которые являются следствием рождения новой онтологии контингентных событий, описывающих сферу контингентных событий, подчинённых воле человека. В теоретических подходах, направленных на исследование данной концепции, которая не находится в прямой теоретической зависимости от теории моральных модальностей, тем не менее обнаруживаются несколько черт, напоминающих подходы к описанию моральных модальностей. В частности, это: акцент на возникновении контингентных фактов из воли человека и зависимость их от поведения людей, необходимость серийности и повторяемости для вхождения некоторого факта в поле морального сущего (как, например, вера всех жителей некоторого района в определённую

ценность физических объектов, к которым относятся как к деньгам). Далее в общих чертах была описана модель знания, относящаяся к контингентным событиям такого рода. Основой этой гибридной модели знания является попытка встроить сформировавшиеся задолго до XVII в. традиции изучения контингентного в рамках различных дисциплин – истории, юриспруденции, теории политики и т.д. – в университетский режим веридикции научного знания. Основной практикой легитимации этих традиций в рамках научного знания являлась привязка их к теории вероятности и выработка систематик достоверности источников, по которым возможно суждение о контингентных событиях, которые чаще всего сводились либо к свидетельствам, либо к бытовому опыту.

Таким образом, в данной работе были описаны различные дискурсы о контингентном в интеллектуальной культуре Европы конца XVI в. – начала XVIII в. и было описано и продемонстрировано лежащее в основании их историческое *a priori*. Стоит отметить, что данное исследование, в силу ограниченности формата, является достаточно общим и в некотором смысле обзорным. Основной целью данного исследования было выявить общее ядро для исследований контингентного, поэтому довольно много материала было оставлено за рамками исследования.

Проблематика контингентного в философии XVI–XVIII вв. является почти незатронутой российскими исследованиями, и настоящая работа, с одной стороны, является попыткой привнесения в отечественное академическое поле данной проблематики и дополнения и обобщения уже существующих исследований по смежным темам и, с другой стороны, открывает перспективы для дальнейших исследований. Так, данное исследование вводит в оборот довольно обширный и систематизированный по тематикам набор работ XVI–XVIII вв., которые затрагивают проблематику контингентности, что значительно упрощает поиск источников для дальнейших исследований по этой теме и устанавливает теоретический фундамент, от которого можно отталкиваться, даже если тезисы, защищаемые в данной работе, могут быть поставлены под сомнение. Наиболее общие сферы, в которых развиваются исследования контингентного, которым посвящены разделы данной работы, – логика и теория доказательств, моральное бытие и реальность, производимая человеческой волей, – сами по себе являются полноценными исследовательскими объектами в этом контексте, поэтому дальнейшее исследование науки о контингентном, на основе фундамента, заложенного в данной работе, может развиваться отдельно и более точно в рамках каждой из упомянутых сфер.

Список литературы

1. Вдовина Г.В. «Моральное бытие» и лингвистические знаки в постсредневековой схоластике // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 130–139.
2. Иванова Ю.В., Соколов П.В. «Мидасово злато Модерна»: антиномии исторического сознания раннего Нового времени // Клио в зазеркалье: Исторический аргумент

в гуманитарной и социальной теории / Под ред. Ю.В. Ивановой, И.М. Савельевой, П.В. Соколова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 79–105.

3. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.

4. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

5. Aquinas T. Summa theologiae cum commentariis Thomae de Vio, card. Cajetani, et elucidationibus litteralibus P. Seraphini Capponi a Porrecta. Tomus secundus. Romae: n.p., 1773. 684 p.

6. Bacon R. Summulae dialectices: I–II. De termino. De enuntiatione / Ed. A. de Libera // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge. 1986. Vol. 53. P. 139–289.

7. Charlier de Gerson J. Tractatus diversi: De praeparatione ad missam. De pollutione nocturna. De pollutione diurna. De modo vivendi omnium fidelium. Opus tripartitum. Donatus moralisatus. Antverpiae, 1491. 63 p.

8. Concilium Tridentinum. Lugduni: sumpt. Laurentii Anisson et Soc., 1649. 1045 p.

9. Cottureau T.J.A. Le droit général de la France, et le droit particulier à la Touraine et au Lodunois. T. 1. Tours: chez F. Vauquer-Lambert, Imprimeur-Libraire, 1778. 734 p.

10. Fonseca P. da. Institutionum Dialecticarum Libri Octo. Coloniae: apud Gosuinum Cholinum, 1594. 557 p.

11. Franklin J. The Science of Conjecture: Evidence and Probability before Pascal. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 520 p.

12. Gonzalez de Santalla T. Selectarum disputationum ex universa theologia scholastic tomus tertius attingens primam secundae et tertiam partem D. Thomae. Salamanca: apud Lucam Perez, 1679. 750 p.

13. Granado D. Commentarii in summam Theologiae S. Thomae. Pont-à-Mousson: apud Franciscum de Lyra, 1623. 577 p.

14. Grey J. The Modal Equivalence Rules of the Port-Royal Logic // History and Philosophy of Logic. 2017. Vol. 38. No. 3. P. 210–221.

15. Herrera A. de. Tractatus de voluntate Dei in primam partem sancti Thomae. Alcalá: apud Franciscum Garcia Fernandez, typographum Universitatis, 1673. 431 p.

16. Hispanus P. Summulae logicales. Venetiis: apud Iuntas, 1550. 294 p.

17. Hurtado de Mendoza P. Disputationum a summulis ad metaphysicam. Tolosae: apud Dominicum Bosc, 1618. 1171 p.

18. Hurtado de Mendoza P. Universa philosophia. Lugduni: sumptibus Ludovici Prost. Haeredis Roville, 1624. 963 p.

19. Izquierdo S. Pharus scientiarum. Lugduni: sumptibus Claudii Bourgeat et Mich. Lietard, 1659. 830 p.

20. Junius A. De providentia et praedestinatione meditationes scholasticae. Lugduni: sumpt. Joannis Antonii Hugueta et Soc., 1678. 548 p.

21. Knebel S.K. Pietro Sforza Pallavicino's Quest for Principles of Induction // The Monist. 2001. Vol. 84. No. 4. P. 502–519.

22. Knebel S.K. The Renaissance of statistical modalities in early modern scholasticism // The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700 / Eds. R.L. Friedman, L.O. Nielsen. Dordrecht: Springer Science: Business Media, 2003. P. 231–251.

23. Knebel S.K. Vom Ursprung der Soziologie aus der posttridentinischen Theologie // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. 1994. Vol. 41. No. 3. S. 463–490.

24. Lambert of Auxerre. Logica, or Summa Lamberti. Notre Dame: Notre Dame University Press, 2015. 494 p.

25. *Lugo J. de*. Disputationes scholasticae et morales de virtute fidei divinae. Lugduni: sumpt. Haered. Petri Prost, Philippi Borde, et Laurentii Arnaud, 1646. 744 p.
26. *Mauro S.* Quaestiones philosophicae continens summulas et quaestiones proaemiales logicae. Tomus primus. Parisii: ch. Taranne, librarius, 1876. 644 p.
27. *Morin J.B.* Astrologia Gallica principiis et rationi. Hagae comitis: ex typographia Adriani Vlacq, 1661. 784 p.
28. *Muyart de Vouglans P.F.* Institutes au droit criminel. Paris: chez le Breton, Imprimeur ordinaire Du Roi, 1757. 756 p.
29. *Nider J.* Consolatorium timoratae conscientiae. Venetiis: per Io. Antonium et Fratres de Sabio, 1532. 278 p.
30. *Paul of Venice.* Logica Magna. Part II / Ed. F. del Punta. Oxford: Oxford University Press, 1978. 294 p.
31. *Perinetti D.* Hume, History and the Science of Human Nature. Dissertation, McGill University, 2002. 250 p.
32. *Peter of Spain.* Summaries of Logic. Oxford: Oxford University Press, 2014. 416 p.
33. *Pufendorf S.F. von.* Of the law of nature and nations, eight books. Oxford: printed by L. Litchfield, 1703. 400 p.
34. *Ramelow T.* Gott, Freiheit, Weltenwahl: Der Ursprung des Begriffes der besten aller möglichen Welten in der Metaphysik der Willensfreiheit zwischen Antonio Perez S.J. (1599–1649) und G.W. Leibniz (1646–1716). Leiden, New York, Koln: Brill, 1997. 512 p.
35. *Shapiro B.J.* Probability and Certainty in Seventeenth-Century England. A Study of the Relationship between Natural Science, Religion, History, Law, and Literature. Princeton: Princeton University Press, 1983. 334 p.
36. *Schmutz J.* Caramuel on Naturalistic Fallacy // Juan Caramuel Lobkowitz: The Last Scholastic Polymath / Eds. P. Dvorak, J. Schmutz. Prague: Filosofia, 2008. P. 45–70.
37. *Schüssler R.* On the Anatomy of Probabilism // The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700 / Eds. R.L. Friedman, L.O. Nielsen. Dordrecht: Springer Science: Business Media, 2003. P. 91–113.
38. *Silhon J. de.* De la Certitude des connaissances humaines. Paris: de L’Imprimerie Royale, 1661. 692 p.
39. *Sforza Pallavicino R.P.* In Primam Secundae Disputationum in primam secundae D. Thomae tomus primus. Ludguni: sumpt. Philip. Borde, Laur. Arnaud: et Cl. Rigaud, 1653. 300 p.
40. *William of Sherwood.* Introductiones in logicam / Eds. C.H. Lohr, P. Kunze, B. Mussler // Traditio. Vol. 39. New York: Fordham University Press, 1983. P. 219–299.

RELIGIOUS ANTHROPOLOGY

Denis Manakov

Student of the Faculty of Humanities
Educational direction "Philosophy".
National Research University "Higher School of Economics".
21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation;
e-mail: firsey74@gmail.com

THE CONCEPT OF CONTINGENT IN POST-TRIDENTINE SCHOLASTIC PHILOSOPHY

The author analyzes the methodology of working with contingent events and how the concept of contingent and other related concepts is conceptualized in post-Tridentine scholastic philosophy. In particular, the article examines the theory of moral modalities that emerged in the XVI–XVII centuries, describing knowledge about contingent and patterns of human behavior; the separation of physical and moral in the context of contingent reality produced by human will; as well as the concepts of probabilistic knowledge and the methodology of the sciences about contingent facts. Based on the analysis of the data of scholastic ideas and concepts, the author identifies the key characteristics of knowledge about the contingent and identifies the common core of approaches to the theorization of contingent events in post-Trident scholasticism.

Keywords: contingent, sciences of the contingent, moral being, moral demonstration, moral necessity, moral modalities, scholastic modal theory, second scholasticism, free will, probability

References

1. Aquinas, T. *Summa theologica cum commentariis Thomae de Vio, card. Cajetani, et elucidationibus litteralibus P. Seraphini Capponi a Porrecta*. Tomus secundus. Romae: n.p., 1773. 684 pp.
2. Bacon, R. "Summulae dialectices: I-II. De termino. De enuntiatione", ed. A. de Libera, *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge*, 1986, Vol. 53, pp. 139–289.
3. Charlier de Gerson, J. *Tractatus diversi: De praeparatione ad missam. De pollutione nocturna. De pollutione diurna. De modo vivendi omnium fidelium. Opus tripartitum. Donatus moralisatus*. Antverpiae, 1491. 63 pp.
4. *Concilium Tridentinum*. Lugduni: sumpt. Laurentii Anisson et Soc., 1649. 1045 pp.
5. Cottreau, T.J.A. *Le droit général de la France, et le droit particulier à la Touraine et au Lodunois*, T. 1. Tours: chez F. Vauquer-Lambert, Imprimeur-Libraire, 1778. 734 pp.

6. Fonseca, P. da. *Institutionum Dialecticarum Libri Octo*. Coloniae: apud Gosuinum Cholinum, 1594. 557 pp.
7. Foucault, M. *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge], trans. M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2004. 416 pp. (In Russian)
8. Foucault, M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1978–1979 academic year], trans. A.V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 448 pp. (In Russian)
9. Franklin, J. *The Science of Conjecture: Evidence and Probability before Pascal*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 520 pp.
10. Gonzalez de Santalla, T. *Selectarum disputationum ex universa theologia scholasticae tomus tertius attingens primam secundae et tertiam partem D. Thomae*. Salamanca: apud Lucam Perez, 1679. 750 pp.
11. Granado, D. *Commentarii in summam Theologiae S. Thomae*. Pont-à-Mousson: apud Franciscum de Lyra, 1623. 577 pp.
12. Grey, J. “The Modal Equivalence Rules of the Port-Royal Logic”, *History and Philosophy of Logic*, 2017, Vol. 38, No. 3, pp. 210–221.
13. Herrera, A. de. *Tractatus de voluntate Dei in primam partem sancti Thomae*. Alcala: apud Franciscum Garcia Fernandez, typographum Universitatis, 1673. 431 pp.
14. Hispanus, P. *Summulae logicae*. Venetiis: apud Iuntas, 1550. 294 pp.
15. Hurtado de Mendoza, P. *Disputationum a summulis ad metaphysicam*. Tolosae: apud Dominicum Bosc, 1618. 1171 pp.
16. Hurtado de Mendoza, P. *Universa philosophia*. Lugduni: sumptibus Ludovici Prost. Haeredis Roville, 1624. 963 pp.
17. Ivanova, Yu.V., Sokolov, P.V. ““Midasovo zlato Moderna”: antinomii istoricheskogo soznaniya rannego Novogo vremeni” [“Midas Gold of Modernity”: Antinomies of Historical Consciousness of Early Modern Times], *Klio v zazerkal'e: Istoricheskii argument v gumanitarnoi i sotsial'noi teorii* [Clio through the Looking Glass: A Historical Argument in Humanitarian and Social Theory], ed. Yu.V. Ivanova, I.M. Savel'eva, P.V. Sokolov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 79–105. (In Russian)
18. Izquierdo, S. *Pharus scientiarum*. Lugduni: sumptibus Claudii Bourgeat et Mich. Lietaud, 1659. 830 pp.
19. Junius, A. *De providentia et praedestinatione meditationes scholasticae*. Lugduni: sumpt. Joannis Antonii Hugueta et Soc., 1678. 548 pp.
20. Knebel, S.K. “Pietro Sforza Pallavicino’s Quest for Principles of Induction”, *The Monist*, 2001, Vol. 84, No. 4, pp. 502–519.
21. Knebel, S.K. “The Renaissance of statistical modalities in early modern scholasticism”, *The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700*, eds. R.L. Friedman, L.O. Nielsen. Dordrecht: Springer Science: Business Media, 2003, pp. 231–251.
22. Knebel, S.K. “Vom Ursprung der Soziologie aus der posttridentinischen Theologie”, *Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie*, 1994, Vol. 41, No. 3, S. 463–490.
23. Lambert of Auxerre. *Logica, or Summa Lamberti*. Notre Dame: Notre Dame University Press, 2015. 494 pp.
24. Lugo, J. de. *Disputationes scholasticae et morales de virtute fidei divinae*. Lugduni: sumpt. Haered. Petri Prost, Philippi Borde, et Laurentii Arnaud, 1646. 744 pp.
25. Mauro, S. *Quaestiones philosophicae continens summulas et quaestiones proaemiales logicae*. Tomus primus. Parisii: ch. Taranne, librarius, 1876. 644 pp.

26. Morin, J.B. *Astrologia Gallica principis et rationi*. Hagae comitis: ex typographia Adriani Vlacq, 1661. 784 pp.
27. Muyart de Vouglans, P.F. *Institutes au droit criminel*. Paris: chez le Breton, Imprimeur ordinaire Du Roi, 1757. 756 pp.
28. Nider, J. *Consolatorium timoratae conscientiae*. Venetiis: per Io. Antonium et Fratres de Sabio, 1532. 278 pp.
29. Paul of Venice. *Logica Magna*, part II, ed. F. del Punta. Oxford: Oxford University Press, 1978. 294 pp.
30. Perinetti, D. *Hume, History and the Science of Human Nature*. Dissertation, McGill University, 2002. 250 pp.
31. Peter of Spain. *Summaries of Logic*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 416 pp.
32. Pufendorf, S.F. von. *Of the law of nature and nations, eight books*. Oxford: printed by L. Litchfield, 1703. 400 pp.
33. Ramelow, T. *Gott, Freiheit, Weltenwahl: Der Ursprung des Begriffes der besten aller möglichen Welten in der Metaphysik der Willensfreiheit zwischen Antonio Perez S.J. (1599–1649) und G.W. Leibniz (1646–1716)*. Leiden, New York, Koln: Brill, 1997. 512 pp.
34. Schmutz, J. “Caramuel on Naturalistic Fallacy”, *Juan Caramuel Lobkowitz: The Last Scholastic Polymath*, eds. P. Dvorak, J. Schmutz. Prague: Filosofia, 2008, pp. 45–70.
35. Schüssler, R. “On the Anatomy of Probabilism”, *The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700*, eds. R.L. Friedman, L.O. Nielsen. Dordrecht: Springer Science: Business Media, 2003, pp. 91–113.
36. Sforza Pallavicino, R.P. *In Primam Secundae Disputationum in primam secundae D. Thomae tomus primus*. Ludguni: sumpt. Philip. Borde, Laur. Arnaud: et Cl. Rigaud, 1653. 300 p.
37. Shapiro, B.J. *Probability and Certainty in Seventeenth-Century England. A Study of the Relationship between Natural Science, Religion, History, Law, and Literature*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 334 pp.
38. Silhon, J. de. *De la Certitude des connaissances humaines*. Paris: de L’Imprimerie Royale, 1661. 692 pp.
39. Vdovina, G.V. ““Moral’noe bytie” i lingvisticheskie znaki v postsrednevekovoï skholastike” [“Moral being” and linguistic signs in late medieval scholasticism], *Voprosy filosofii*, 2008, No. 12, pp. 130–139. (In Russian)
40. William of Sherwood. “Introductiones in logicam”, eds. C.H. Lohr, P. Kunze, B. Mussler, *Traditio*, Vol. 39. New York: Fordham University Press, 1983, pp. 219–299.